

Рассевшись прямо на земле посреди сада, Сяохэ усердно орудовал игрушечной лопаткой. Он подсыпал свежий, пахнущий сыростью грунт, только-только уложенный вместо снятого дерна, в крошечный цветочный горшок. Там уже сидел тонкий, едва приметный росток. Наполнив горшочек до самых краев, мальчик бережно прихлопнул землю ладошкой.

Рядом возился садовник семьи Ци, старый Гэ. Но в его руках была настоящая большая лопата, да и сажал он кусты плетистых роз — крепкие, налитые силой шестилетки. Рядом с ними чахлый стебелек в горшочке Сяохэ казался даже не уменьшенной копией, а каким-то недоразумением, крошечной увядшей травинкой.

Покончив с очередным кустом, старик оперся на черенок и решил немного перевести дух. Щурясь от солнца, он с теплой улыбкой наблюдал за хлопотами ребенка.

— Стелющаяся орхидея — цветок благодарный, — добродушно проговорил садовник. — Если за ней ухаживать, вырастет неопишуемой красоты. Только вот тесно ей скоро станет в этой плошке. Как подрастет, придется пересаживать в горшок просторнее. Вы только скажите, молодой господин Сяохэ, я мигом помогу.

— Я сам справлюсь! — с недетской серьезностью кивнул Сяохэ. — Дядя Гэ, а вы можете мне потом найти самый большой и самый красивый горшок?

Старик охотно рассмеялся:

— Ну конечно! Уж для вас-то я выберу самый лучший, глаз не отведешь.

Сяохэ довольно заулыбался. Позабыв про лопатку, он отбросил ее в сторону и принялся загребать землю прямо ладошками.

— И куда же молодой господин хочет его поставить?

— Я хочу его...

Сяохэ на секунду задумался, подбирая слова, как вдруг кто-то чувствительно пихнул его мыском ботинка в спину.

— Молодой господин Яо... — негромко попытался утихомирить пришедшего старый Гэ.

Сяохэ обернулся. Над ним стоял Ци Яо — вздернутый кверху подбородок, капризно поджатые губы и весь его вид так и лучились детским высокомерием.

Яоя ждал, что брат тут же бросится расспрашивать его про деревянного Щелкунчика. О, у него уже был готов ответ! Он небрежно, так, словно это сушая ерунда, объявит, что игрушка

случайно разбилась. «Даже сломанного тебе не отдам!» — мысленно торжествовал он. Сяохэ непременно разревелся бы от обиды.

Новоявленный триумфатор замер в предвкушении, однако Сяохэ лишь удивленно, как на дурачка, посмотрел на него и преспокойно отвернулся обратно к своему горшку.

Такое равнодушие сбило Ци Яо с толку. Впрочем, к подобным вещам ему было не привыкать, но злость все равно вскипела в груди. Он сердито обошел брата, намереваясь устроить сцену, но замер, заметив, что Сяохэ, перепачканный в грязи по самые локти, увлеченно ковыряется в земле.

Тот тихонько напевал под нос какую-то детскую песенку, явно позабыв про злосчастную игрушку.

Яояо нестерпимо захотелось пнуть дурацкий горшок, но он вовремя сообразил, что тогда испачкает свои белоснежные туфли. Впрочем, опустив взгляд, он с ужасом обнаружил, что уже стоит посреди свежевскопанной жирной земли.

Он брезгливо отскочил на зеленую траву и, состроив недовольную мину, напустился на брата:

— Опять в грязи копаешься! Малыш, что ли? Тебе сколько лет вообще?

Сяохэ оскорбился в лучших чувствах. По его твердому убеждению, садоводство не имело ничего общего с обычной возней в грязи.

— Я не копаюсь, я сажаю орхидею! — горячо возразил он. — Очень-очень редкую и безумно дорогую!

— Подумаешь, сорняк какой-то! — фыркнул Яояо. — У папы столько денег, он таких сто тыщ миллионов купить может!

В представлении маленького Ци Яо это число было самым огромным во вселенной.

Сяохэ мгновенно насупился:

— Ничего не сорняк! Она особенная! Единственная на всей планете! Она занесена в Красную книгу! Наш учитель говорил, что ее нельзя купить ни за какие деньги, даже если ты самый богатый!

Старый Гэ, слушавший эту перепалку, едва сдерживал смех.

Однако доверчивый Яояо не на шутку растерялся от авторитетного заявления про Красную книгу. Мигом позабыв о спеси, он присел на корточки рядом с братом и принялся пристально разглядывать росток. Перед ним, как ни крути, топорщилась унылая вялая травинка.

Сяохэ продолжал вещать с видом знатока:

— Вот увидишь, через пару месяцев она как вырастет, как зацветет! Будет настоящая красота. Мне придется пересадить ее в огромный горшок, потому что в этом ей станет тесно.

— Прямо в такой большой, как у дяди Гэ? — с любопытством спросил Яояо, округлив глаза.

Сяохэ прикинул размеры. Садовые кадки старого Гэ были чуть ли не выше его самого. Неужели крошечной орхидее понадобится такая машина? Впрочем, долго раздумывать он не стал и уверенно кивнул:

— Ага!

— Ого... — Круглые глазенки Яояо восторженно блеснули.

Вообще-то возиться с землей он терпеть не мог, но сама мысль о том, что эта невзрачная былинка вымахает в гигантский... кустике, приводила его в дикий восторг.

Ему до смерти захотелось заполучить это чудо-растение себе. Но тут взгляд мальчика упал на щеку Сяохэ — сквозь налипшую грязь там отчетливо виднелись свежие царапины. Яояо вспомнил, что сам же и оставил их, когда они дрались из-за Щелкунчика. Настроение мигом испортилось, и он надулся.

Желая заглушить неловкость, он сердито шлепнул ладонью по рыхлой куче земли. Грязные брызги полетели прямо на Сяохэ. Впрочем, тот и без того напоминал взъерошенного беспризорного котенка, так что новые пятна его ничуть не расстроили.

Отсутствие бурной реакции разозлило Яояо еще сильнее. Насупившись, он принялся колотить по земле кулачками, даже не заметив, как комья грязи полетели на его собственные чистые шорты.

Эта бурная вспышка детского гнева наконец-то привлекла внимание Сяохэ. Он повернул голову и непонимающе захлопал ресницами.

Яояо капризно выпятил губу. «Если он сейчас начнет ругаться, — упрямо подумал он, — я скажу: что хочу, то и делаю! Тебе-то какое дело?»

Но Сяохэ и не думал обижаться. Решив, что брат просто хочет поиграть, он великодушно

протянул ему свою деревянную лопаточку:

— На, возьми! Хочешь помочь мне посадить нашу драгоценную орхидею?

Яоя растерянно уставился на лопатку в своей руке, а потом буркнул:

— Ну еще чего! Стал бы я тебе помогать!

На самом деле на душе у него потеплело. Он воровато огляделся и нерешительно взмахнул игрушкой, явно сгорая от нетерпения включиться в процесс.

Но едва они набрали побольше земли, чтобы насыпать в горшок ровную горку, как со стороны подъездной аллеи донесся нарастающий гул мотора. Две круглые вихрастые головы синхронно повернулись на звук.

Едва заметив сквозь листву знакомый черный силуэт представительского седана, мальчишки побросали свои нехитрые инструменты и дружно вскочили на ноги.

Яоя прыгал повыше и визжал погромче. Обгоняя друг друга, они сломя голову помчались к главным воротам усадьбы.

Задняя дверца плавно распахнулась, и из салона вышел высокий статный мужчина. На вид ему нельзя было дать его сорока с лишним лет — безупречно скроенный костюм подчеркивал подтянутую фигуру, а зачесанные назад темные волосы с легкой благородной проседью на висках открывали волевое, красивое лицо. Каждое его движение дышало властью и холодной, непреклонной уверенностью человека, привыкшего повелевать.

Однако сейчас его брови были сурово сдвинуты к переносице, прорезая лоб глубокой складкой. И даже когда Яоя маленьким вихрем налетел на него, мужчина хоть и подхватил сына на руки, но в лице не изменился ни на йоту.

— Папа! Папочка! — звонко закричали детские голоса, но Яоя явно старался перекрыть брата.

Яоя уже вовсю карабкался по дорожному пиджаку Ци Линьгуана, обхватив его руками и ногами, тогда как Сяохэ робко топтался у машины, пытаясь заглянуть в полутемный салон сквозь приоткрытую дверцу.

Ци Линьгуан, разумеется, заметил стоявшего внизу приемыша, который со своими перемазанными щеками походил на беспризорника. Одарив Сяохэ холодным, отрешенным взглядом, он сухо бросил:

— Мама вернется только через несколько дней.

Огонек надежды в глазах Сяохэ тут же погас. Мамы не будет еще несколько дней...

Яояо тоже разочарованно надул губы, но, несмотря на всю свою капризность, перечить грозному отцу не смел. Впрочем, в искусстве подлизываться ему не было равных. Он тут же крепче обнял отца за шею и затараторил:

— Папочка, а ты привез мне подарок? Где мои игрушки? Ну папа!

Слово «игрушки» мгновенно вывело Сяохэ из оцепенения. Забыв о грусти, он тоже подскочил ближе:

— Папа, а мне? Мне тоже игрушку?!

В этот момент водитель, доставший из багажника две огромные, обернутые в яркую глянцевую бумагу коробки, торопливо подошел к ним. Глаза Сяохэ засияли, и он первым рванулся навстречу.

Заметив это, Яояо задергался от злости. Но стоило ему пошевелиться, как он начал сползать на землю. Спускаться с отцовских рук умышленно не хотелось, да и ревность брала свое: «А вдруг я слезу, а этот заберется к папе на ручки?»

Яояо изо всех сил потянулся к коробкам, извиваясь всем телом. Ци Линьгуан, разумеется, прекрасно понял этот нехитрый маневр.

Мужчина был не в духе, но все же сдержал раздражение. Он протянул руку и забрал у водителя верхнюю коробку — ту самую, в которую уже успел вцепиться маленькими пальчиками Сяохэ. Почувствовав, как добыча выскальзывает из рук, мальчик растерянно захлопал глазами, глядя снизу вверх на отца.

Ци Линьгуан даже не взглянул на него. С холодным безразличием он передал заветный сверток Яояо. Счастливый ребенок тут же прижал коробку к себе, загоревшись желанием немедленно сорвать упаковку.

— Ну и гряззища, — недовольно проворчал отец, заметив на своем безупречном костюме свежие следы от испачканных шорт сына. — Весь извозился.

Старый Гэ поспешил вежливо вмешаться, примирительно улыбаясь:

— Господин Ци, молодые господа Сяохэ и Яояо тут цветочки сажали, увлеклись малость.

Лицо хозяина дома осталось бесстрастным. Он даже не соизволил взглянуть на так называемые «цветы», лишь сухо кивнул садовнику в знак того, что услышал его.

Яоя, полностью поглощенный подарком, уже думать забыл про чахлую травинку в саду.

— Папа, пойдем скорее в дом! Хочу открыть, хочу посмотреть!

Ци Линьгуан поудобнее перехватил сына одной рукой и неспешно направился к особняку.

В руках у Сяохэ осталась вторая коробка, ничуть не меньше первой, и он радовался ей не меньше брата. Вот только... почему мамы не будет так долго? Без нее огромный холодный дом казался чужим, и возвращаться туда мальчику совсем не хотелось.

Он вернулся на лужайку к своей орхидее, уселся прямо на траву и принялся усердно ковырять плотный картон ногтями. Повозившись безрезультатно пару минут, он с надеждой посмотрел на подошедшего старого Гэ, и тот аккуратно вскрыл коробку садовыми ножницами.

Внутри оказался новенький игрушечный поезд. И пускай в детской Сяохэ уже пылилась целая коллекция машинок, этот блестящий состав с разноцветными вагончиками мгновенно завладел его сердцем.

«Пускай мамочка самая добрая и нежная, и я люблю ее больше всех на свете, — рассудил про себя малыш, — зато папа всегда-всегда привозит мне самые крутые подарки!»

Катая поезд по изумрудной траве и представляя, как тот мчится сквозь неведомые страны, Сяохэ чувствовал себя абсолютно счастливым. Он увлеченно возил состав туда-сюда, громко и забавно распевая веселую песенку.

<http://bllate.org/book/19821/1979693>